

— Я хорошо учился, намного лучше Ли Чжужаня и остальных. Это вы не дали мне проявить себя... Если бы я старался, я был бы первым в школе...

— Вчерашнюю задачу я решил сам, я мог бы получить высший балл, просто у меня не хватило сил всё записать... Да? Ведь так? Ты же знаешь!

Он умоляюще посмотрел на Ли Чжужаня — и горькая ирония была в том, что в этот момент единственным, к кому он мог обратиться, оказался тот, кто сам столкнул его в бездну. Рыдая, он повторял:

— Ты же знаешь, что это я написал! Место в конкурсе должно было быть моим, моим...

Пока Лоу И говорил это, все смотрели на его залитое слезами, искажённое рыданиями лицо. Их взгляды становились всё страннее, пока окончательно не превратились в брезгливое презрение, какое бывает при виде сумасшедшего.

Классный руководитель, как бы в подтверждение, выступил вперёд:

— Уровень знаний Лоу И всегда был средним и ниже, а в последнее время и вовсе упал. На тех же контрольных, где средний балл — сто двадцать, у него всего шесть!

Цифра «шесть» заставила многих учеников элитного класса сдержанно фыркнуть. Их лёгкий, весёлый смешок был словно острые лезвия, разрезающие тело Лоу И, хлещущие по его плоти, добивающие и без того измученную душу.

Родители, не в силах больше терпеть публичный позор, обрушили свой гнев на Лоу И. Прямо на глазах у всех они принялись его бить и ругать, словно обезумев.

Лоу И, выбившийся из сил, безвольно рухнул на пол. Его взгляд был пуст. Он покорно принимал град ударов, безучастно глядя на свет лампы на потолке. В голове, помутнённой от стыда, мелькала мысль: зачем он вообще живёт? Почему жить так больно?

Что он сделал не так?

Или он с самого начала был ошибкой?

Полицейские остановили родителей Лоу И и уже собирались увести его.

Бай Цяньюй, нахмурившись, остановил их:

— Хватит. Главное — вещь вернули. Он мой одноклассник, оставьте его.

Окружающие, восхищаясь добротой Бай Цяньюя, лишь сильнее возненавидели Лоу И-вора.

В глазах Лоу И, погружённых во тьму, зародился слабый проблеск надежды. Не мигая, он смотрел на Бай Цяньюя, слёзы ручьями текли по его щекам.

Да, ещё есть Бай Цяньюй. Даже если весь мир от него отвернулся, даже если сам он утратил волю к жизни, пока существует Бай Цяньюй, у него есть причина держаться. Ради этого можно жить дальше.

Бай Цяньюй отвёл его в безлюдное укромное место. Лоу И, не в силах сдержаться, выпалил:

— Это всё Ли Чжужань! Правда, это он! Он украл мой дневник, он всё время мучил меня

вместе с другими, и полицию тоже вызвал он! Я не виноват, я говорю правду, поверь мне...

Лицо Бай Цяньюя исказилось от крайней неприязни. Он сказал с несвойственным ему ранее отвращением:

— Лоу И, ты прогнил насквозь.

Голос Лоу И замер. Не веря своим ушам, он смотрел на того, кого так сильно любил, и, рыдая, принялся умолять:

— Почему? Почему и ты мне не веришь? Почему?!

Бай Цяньюй ответил:

— Знаешь, почему я отказался от обвинений? Потому что ты — друг Ли Чжужаня.

Надежда, едва теплившаяся в глазах Лоу И, угасла. Его сознание опустело. Он смотрел на Бай Цяньюя, а тот говорил, и слова впивались в мозг, как гвозди.

— Я знаю, что ты ко мне чувствовал. Мне рассказал Ли Чжужань. Он сказал, у тебя проблемы с психикой. Хотя эта твоя выходка — переодеться в девушку и принести мне подарок — поставила меня в неловкое положение перед всеми, я на тебя не в обиде. Я не считаю тебя мерзким. В конце концов, симпатию не выбирают. Но сейчас всё иначе. Ты мне противен, понимаешь? Я не встречал такого подлого человека. Я даже ненавижу себя за то, что привлёк внимание такого, как ты. Настоящее проклятие!

— Разве Ли Чжужань плохо к тебе относился? Все эти годы, видя, что у тебя нет друзей, он незримо тебе помогал, одолжал вещи. А ты? Клевещешь на него, говоришь, что он украл твои успехи, что он тайно тебя мучил, что это он вызвал полицию? Он же всё это время тебя защищал! Именно поэтому я и остановил полицейских!

— Лоу И, у тебя вообще есть совесть?

Лицо Лоу И побелело. Он пошатнулся, едва удерживаясь на ногах, прислонился к стене — ещё чуть-чуть, и он рухнет.

Медленно опустившись на корточки, он обхватил голову руками. Слезы беззвучно падали на пол, смешиваясь с пылью, мутнели и уже никогда не могли стать чистыми. Мелочь, на которую никто не обратит внимания.

Прямо как он сам.

— Терпеть не могу таких, как ты. Сплошная ложь, подхалимство перед сильными мира сего. Ни стыда, ни самолюбия! Больше не попадайся мне на глаза. Ты мне отвратителен!

Сказав это, Бай Цяньюй бросил на Лоу И полный омерзения взгляд и разгневанно удалился.

Вскоре подоспел распалившийся жаждой справедливости староста. Он обрушился на Лоу И с потоком брани, клеймил его моральное падение, стыдился того, что они учатся в одном классе. Шум привлёк других учеников. Все тыкали пальцами в сжавшегося в углу и непрерывно дрожащего Лоу И, издевались и оскорбляли его, наслаждаясь возвышенным чувством собственной праведности и гордясь этим.

Один ученик в кепке протиснулся сквозь толпу с камерой в руках. Он грубо дёрнул Лоу И за

волосы, выставив напоказ его лицо, готовое вот-вот рассыпаться в прах, и потребовал, чтобы тот говорил в камеру: объяснил, зачем всё это сделал, и на коленях извинился перед Бай Цяньюем, Ли Чжужанем и школой, которую опозорил.

Лоу И смотрел безумным, ничего не понимающим взглядом. Слезы и сопли текли по лицу. Он был похож на загнанное в тупик жалкое существо, у которого не осталось сил жить.

Вскоре разъярённые ученики повалили его на пол. Его голова билась об пол, его заставляли кланяться Ли Чжужаню и Бай Цяньюю раз за разом.

Он уже ничего не понимал. Тело будто перестало ему принадлежать. Пусть делают что хотят.

Всё стало безразлично.

Унижение длилось до самого вечера. Позже он, как зомби, под насмешки окружающих был водворён родителями в машину и отвезён домой.

Реакцию родителей он запомнил смутно. Помнил только, что дома его тоже били и ругали часов до одиннадцати-двенадцати ночи. Потом родители ушли спать, а его бросили одного в комнате. Он тупо смотрел в потолок, перебирая в памяти мучительные годы своей жизни.

Вскоре он открыл ящик, дрожащей от боли рукой достал лезвие и без колебаний вскрыл вены. Кровью на стене он вывел корявыми, полными отчаяния слова: «Почему мне никто не верит». Затем, словно обретая наконец свободу, перерезал себе горло. Мучениям пришёл конец.

Что было дальше — он не знал.

Он лишь чувствовал, как его душа, освободившись от тела, обретает покой. А одержимость в его сознании, питаемая ненавистью, делала его всё сильнее и сильнее.

Он остался в этом мире. Его ярость росла. Его неспособность простить крепла.

Он ненавидел так сильно, что даже сжигая душу и уничтожая мир, не смог бы забыть.

А зрители перед экранами прекрасно знали, что случилось после его смерти. В новостях всё было расписано подробно.

Его родители, счелавшие произошедшее дурной приметой, долго и громко ругали труп и залитую кровью комнату. Уладив похороны, они вытянули у директора школы крупную сумму, обвиняя того в травле и унижении личности... Да в чём угодно.

Директор, тоже счелавший это дурной приметой, заплатил и замёл дело под ковёр. Для внешних было объявлено, что Лоу И, не в силах вынести позора, перевёлся в другую школу.

Семья Ли, едва не ставшая мишенью для шантажа, отреагировала равнодушно. Ли Чжужань даже чуть не рассмеялся им в лицо — этот неудачник оказался настолько никчёмным, что даже способ самоубийства соответствовал его трусливой натуре. До самого конца не забыл его потешить.

Ученики, естественно, поверили в версию с переводом. Ведь после такого позора возвращаться было бы невыносимо.